

УДК 821.161.1[470.43]

DOI: 10.48164/2713-301X_2024_18_47

М.А. Перепелкин

Самара
Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького;
Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королёва
mperepelkin@mail.ru

С ТОЙ СТОРОНЫ АВТОБИОГРАФИИ: РОМАН М. КУНЦЕВИЧ «ЧУЖЕЗЕМКА»

Роман «Чужеземка» польской писательницы М. Кунцевич, написанный почти столетие назад, традиционно считается автобиографическим. Автор статьи доказывает, что автобиографичность данного произведения, созданного в реалиях дореволюционной Самары, иного рода. В образах главных героев и биографий их прототипов угадываются родители М. Кунцевич – И.А. и А.А. Щепанские, однако, описывая место действия нескольких ключевых эпизодов романа, писательница намеренно не упоминала Самару. Создавая канву произведения, М. Кунцевич перевернула (авто)биографическое другой стороной к читателю, в результате чего лицо биографического рисунка оказалось невидимым, а его «изнаночная» сторона стала основой сюжетного движения, была оригинально использована для построения «зеркальных образов» героев, послужила средством организации художественного времени и пространства.

Ключевые слова: М. Кунцевич, «Чужеземка», автобиографический роман, самарская культура, Щепанские, другая автобиография.

Роман польской писательницы Марии Кунцевич «Чужеземка»¹, написанный в первой половине 1930-х гг., полвека спустя был переведен на русский язык и с тех пор выдержал уже несколько изданий. Переиздаваясь снова и снова, он привлекает внимание читателей тонким сюжетным рисунком и точным психологическим анализом внутреннего мира героев, богатством сопоставительного анализа разных культур и национальных характеров. Едва появившись, роман был признан автобиографическим, так он воспринимается и по сей день, и, надо заметить, небезосновательно [См. об этом: 1]. Автор романа Мария Кунцевич, урожденная Щепанская, появившаяся на свет в Самаре 30 ноября 1895 г., вывела на его страницах своих родителей – Иосифа Александровича и Аделину Адольфовну

(Розу Аделю) Щепанских, людей, оставивших заметный след в самарской культуре. Узнаваемость главных персонажей, а также некоторых коллизий в их взаимоотношениях и биографиях заставила и критиков, и исследователей практически единодушно определить роман как автобиографию и через призму этого мнения оценивать все произведение в целом. Между тем данная оценка нуждается, с нашей точки зрения, в ряде важных оговорок и поправок, которые мы и сделаем в этой работе, попробовав ответить на несколько вопросов, способных, с одной стороны, помочь глубже понять роман его читателям, а с другой – позволить разобраться, автобиографичен ли роман «Чужеземка», и, если да, что стоит понимать под «автобиографическим романом» применительно к этому произведению М. Кунцевич?

¹ Кунцевич М. Чужеземка. Санкт-Петербург: Северо-Запад, 1993. 510 с.

Следует заметить, что автобиографическая проза до сегодняшнего дня привлекает к себе внимание исследователей, пробующих установить границы между документальным и художественным [2], правдой и вымыслом [3], определить круг проблем автобиографического повествования [4] и роль автобиографических включений как элемента метаповествования [5], обозначить место автобиографического дискурса в художественном пространстве литературного произведения [6] и найти границы автобиографического жанра [7]. Особым вниманием пользуется автобиографический модернистский роман [8; 7]. Всё это выступает той научной и концептуальной базой, на которой основывается настоящее исследование, посвящённое частному случаю поисков в области автобиографического жанра, предпринятых М. Кунцевич.

Скажем вначале несколько слов о фабуле «Чужеземки». Главная героиня романа Роза-Эвелина, скрипачка, когда-то пережившая подростковую любовь и разлуку с изменившим ей возлюбленным, чувствует себя глубоко несчастной в браке с преподавателем математики, которого зовут Адам. Она – утончённая музыкальная натура, он – реалист до мозга костей и увалень, как его воспринимают все окружающие. Дети Адама и Розы, Владислав и Марта, каждый по-своему пытаются примириться с тяжёлым и вздорным характером матери, требующей от близких безоговорочного подчинения и страдающей от своего повсеместного «чужеземства». Перемещаясь из города в город и из одной страны в другую, Роза остается чужой всем и всюду, так как быть «чужеземкой» и означает для неё просто быть. В конце романа главная героиня умирает, и её «прекрасная голова, глубоко погрузившись в облако подушек, тонет, укрываясь от мира»¹.

А теперь поделимся некоторыми наблюдениями, в том числе – краеведческого характера, связанными

с автобиографичностью «Чужеземки», которые позволят поставить вопрос о самом характере биографизма романа М. Кунцевич. Начнём с последнего из обозначенных выше аспектов, связанного с родителями автора романа. Именно они послужили прототипами его главных героев – Розы и Адама. Если о втором из них – Адаме, «срисованном» М. Кунцевич с отца, И.А. Щепанского, – исследователи и, прежде всего, самарские краеведы, писали, и не однажды [1; 9], то мать Розы-Эвелины, ставшая прототипом «чужеземки», чаще всего оставалась в тени своего супруга, что, на наш взгляд, не совсем верно уже потому, что именно она, а не И.А. Щепанский, является главной героиней названного романа, вокруг которой группируются все остальные герои, выстраиваются основные события и т. д.

Если говорить об И.А. Щепанском, то о нем известно следующее. Иосиф Александрович (Юзеф Дионизий) Щепанский (Щепаньский) появился на свет в 1852 г. в Гродненской губернии. Окончив в 1870 г. Варшавскую гимназию, он переехал в Петербург, где поступил в университет на физико-математический факультет, учебу на котором совмещал с репетиторством и переводами для газеты «Русский инвалид». Получив университетский диплом и свидетельство на право преподавания математики, он продолжил свое образование, а в 1877 г. был назначен учителем математики, начертательной геометрии и физики в Вольскую гимназию Саратовской губернии, откуда перебрался в Саратов и стал преподавателем Саратовского реального училища.

Летом 1886 г. супруги Щепанские с сыном Александром Романом приехали в Самару, где прожили около пятнадцати лет, родив ещё троих детей, двое из которых, сыновья Казимир и Виктор, умерли в 1892 г., а третий ребёнок – дочь Мария – станет позже писательницей, автором романа «Чужеземка». В Самаре И.А. Щепанский преподавал математику, механику, черчение и кос-

¹ Кунцевич М. Указ. соч. С. 220.

мографию в Самарском реальном училище, был произведен в чин статского советника и удостоен благодарности от Совета Императорской Академии художеств «за полезную и вполне успешную деятельность по обучению черчению» [Цит. по: 1].

Однако преподавательская деятельность была не единственным занятием, увлекавшим педагога И.А. Щепанского, учившего реаллистов математике и другим наукам. Он принимал активное участие в жизни училища, в котором служил, – именно ему была доверена «актовая речь» по случаю десятилетней годовщины этого учебного заведения, произнесенная в сентябре 1890 г., а затем напечатанная в «Самарской газете» и выпущенная отдельным изданием. Его перу принадлежат «Опыт критического разбора учения об отрицательных количествах», брошюра «О лунном и солнечном затмениях», перевод с польского «физико-философского» сочинения профессора Ю. Охоровича «Сила как результат движения», составленный под его руководством альбом «Снимки затмения Солнца 7 августа 1887 г. в Самаре» и две «справочных книги и календаря» под одним и тем же названием «Самарец» – на 1888 и 1889 годы [См.: 1].

Уехав в самом начале XX столетия из Самары в Варшаву, И.А. Щепанский занялся в основном преподавательским трудом, в 1905–1906 гг. служил библиотекарем Варшавского физико-математического общества, затем был директором гимназии в Плоцке и директором коммерческого училища во Влоцлавеке, жил в Кракове и снова в Варшаве, где и умер в 1932 году.

Приведённые биографические сведения об И.А. Щепанском могут помочь ответить нам на вопрос, насколько точно «срисован» портрет героя «Чужеземки» с человека, ставшего его прототипом? Ответ может показаться парадоксальным: рисуя своего Адама, М. Кунцевич как будто ничего не знает ни о его весьма успешных педагогических и науч-

ных занятиях, отмеченных многими наградами и премиями, ни об активной просветительной деятельности¹ ни о деятельности в должности старосты польского костёла и т. д. Адам «Чужеземки» – забитый, неуклюжий, боящийся жены и ни в чем не перечисший ей человек, «давно научившийся терпеть»² и терпящий всю свою жизнь все обвинения и тяготы. Таким ли он был «на самом деле»? Видимо, и да и нет, – но никаких «нет» автор романа не знает и знать не хочет, почему-то рисуя очень однобокий и весьма схематичный портрет.

Перейдем теперь к жене И.А. Щепанского и матери М. Кунцевич, А.А. Щепанской. В статье А.Н. Завального и М. Маршаловой «Иосиф, Мария и Самара» ей посвящен всего лишь один абзац: «Его супруга, Аделина Адольфовна (Роза Аделя), была дочерью офицера русской армии, участника Крымской войны. Училась в музыкальном институте в Варшаве по классу скрипки и в Петербургской консерватории. В Самаре преподавала музыку в местном отделении попечительства императрицы Марии Александровны о слепых [с училищем для слепых мальчиков]» [1]. Между тем А.А. Щепанская так же, как и её муж, была очень заметной фигурой на небосклоне самарской городской культуры своего времени. Поэтому есть все основания для того, чтобы добавить к этому лаконичному портрету еще некоторые штрихи, которые, во-первых, могли бы сделать его ярче и разнообразнее, а во-вторых, помогли бы нам доказать наличие особого типа биографизма в романе М. Кунцевич.

Имя А.А. Щепанской впервые появилось в программах благотворительных и иных вечеров, а также концертов, проводившихся в Самаре с конца 1880-х гг., и не покидало их, по крайней мере, в течение десяти лет, до середины 1890-х. По этим

¹ По большому счёту, И.А. Щепанский был одним из первых самарских краеведов, которые и заложили основы самарского краеведения как такового.

² Кунцевич М. Указ. соч. С. 42.

же программкам и небольшим газетным публикациям, выходявшим по следам вечеров и концертов, можно установить не только репертуар А.А. Щепанской, но и круг общения музыкантки, сферу её интересов и т. д.

Первый из обнаруженных нами документов с упоминанием имени А.А. Щепанской – это программа вечера в пользу недостаточных воспитанниц Самарской женской гимназии, который состоялся 10 февраля 1889 г. в зале Благородного собрания. Кроме неё участниками мероприятия также обозначены Л.С. Родионова, М.С. Позерн, З.И. Фатеева, Н.Л. Линёв, А.Р. Экеспарре и хор воспитанниц гимназии.

Полтора года спустя, в ноябре 1890 г., состоялся другой такой же вечер, который проводился с той же целью. На этот раз известно, что А.А. Щепанская сыграла на нём «Meditation» Германа на скрипке с аккомпанементом А.А. Борисяк на рояле. Открылся же вечер выступлением хора воспитанниц, исполнивших «Боже, Царя храни» и песню «Пташки», после чего выступили З.И. Фатеева и А.Р. Экеспарре, спевшие дуэтом «Dimmi che m'ami», А.В. Щеглова с соло на фортепиано, хор немецкого общества с «Rheinweilied» и «Spielmannslied» и З.И. Фатеева – с романсом Давидова «И ночь, и любовь, и луна». Завершился вечер гимном «Славься».

В апреле следующего, 1891 г., в зале Благородного собрания прошёл концерт в двух отделениях, открывшийся двумя частями «Реквиема» Моцарта в исполнении А.В. Щегловой, А.А. Щепанской, И.Ф. Шульца, Б.В. Петрусевича и В.И. Турчина. Далее в первой части концерта с музыкальными номерами выступили И.В. Михин, А.Р. Экеспарре, А.А. Зигмунтович и мужской хор под управлением М.И. Мельникова, а К.К. Позерн прочёл стихотворение В. Сырокомли «Земной рай». Во второй части концерта выступали те же исполнители, а А.В. Щеглова и А.А. Щепанская

исполнили «Крейцерову сонату» Бетховена.

В феврале-мае 1892 г. в Благородном собрании и в городском театре состоялось сразу несколько симфонических концертов и «общедоступных музыкальных вечеров», в которых среди прочих приняла участие и А.А. Щепанская, исполнившая «Ноктюрн» Шопена, сочинения Мендельсона и некоторые другие. Кроме нее и уже названных исполнителей в этих вечерах и концертах были замечены А.В. Дигкоф, А.Е. Флорова, А.Ф. Яковлева, П.К. Ерланов, Ниче Эрманни.

Осенью и зимой 1893 г. в залах Реального училища, Коммерческого собрания и других организаций и учебных заведений города проходили литературно-музыкальные и музыкально-драматические вечера, концерты, посвященные столетней годовщине со дня рождения Н.И. Лобачевского, памяти П.И. Чайковского, И.С. Тургенева и др. Выступая на одном из этих мероприятий, приуроченном к юбилею Н.И. Лобачевского, И.А. Щепанский представил собравшимся биографический очерк деятельности Н.И. Лобачевского «в связи с историей просвещения Поволжья», а его супруга исполнила на этом вечере соло на скрипке. На других вечерах ее музыкальный репертуар составили произведения Чайковского, Шумана и Мендельсона. На одной сцене с А.А. Щепанской выступили с музыкальными и поэтическими номерами М.С. Позерн, С.Н. Соловьёва, А.В. Щеглова, М.А. Гамберг, А.С. Лялин, В.Д. Мамаев, М.Н. Антонова, И.Г. Карепов, Ю.А. Шигина, Л.А. Фатеева, А.М. Воронова.

Итак, проживая в Самаре, А.А. Щепанская совсем не была затворницей, как это может показаться читателю «Чужеземки», она вела активную музыкально-просветительную деятельность, общалась с интереснейшими людьми своего времени, среди которых, безусловно, надо назвать имена супругов

К.К. и М.С. Позерн, пианистку и выпускницу Петербургской консерватории А.В. Щеглову, З.И. Фатееву и мн. др. Отсюда вытекает вопрос, аналогичный поставленному выше, что подтолкнуло или заставило автора «Чужеземки» допустить замалчивание важных, с нашей точки зрения, обстоятельств, которые могли бы заметно скорректировать картину, нарисованную ею на страницах романа?

Следующий вопрос-наблюдение, над которым должен задуматься исследователь, знакомый с биографической основой романа М. Кунцевич, – это вопрос о полном отсутствии всяческих упоминаний о Самаре на страницах «Чужеземки». Как уже было сказано, Щепанские переехали в Самару из Саратова в середине 1880-х гг. и прожили в городе около 15 лет, вплоть до конца 1890-х или даже до начала 1900-х годов. Здесь у них болели и умирали дети, у И.А. Щепанского выходили книги, с успехом выступала на вечерах и концертах его супруга, А.А. Щепанская. Здесь же, наконец, родилась и их дочь, будущая писательница М.И. Щепанская (Кунцевич). Между тем Самары в романе нет или как бы нет, а её место занимает все тот же Саратов, который неоднократно появляется и фигурирует в разных контекстах: «Сёстры – счастливые – вместе с почтенным отцом, бургомистром, уехали в Новое Място, а спустя месяц Роза везла Адама в Саратов, где в реальном училище открылась вакансия для молодого математика. О, как же Роза задирала в Саратове diese, diese – O, ja, – wunderschone Nase!»¹; «Не беспокойся, бедняга, пока я жива, я не позволю тебе киснуть в безделии. Вытащила из саратовской слободки, вытащу и из этой дыры... я всё-таки не согласилась на слободку! Обивала пороги, строила глазки попечителю учебного округа, пока наконец не перетащила тебя назад, в “любимую Польшу”. – Да, да, перетащила, потому что как раз такая фан-

тазия пришла тебе в голову, – ворчал Адам. – А после свадьбы, наоборот, из Польши потащила меня в Саратов»².

Таким образом, если считать «Чужеземку» автобиографическим романом, придётся согласиться с тем, что немедленно после свадьбы Роза и Адам переехали из Польши в Саратов, а из Саратова, спустя ряд лет, вновь вернулись в Польшу, и никакой Самары в их перемещениях по свету не было. Между тем даже в тексте «Чужеземки» есть ряд примет, указывающих на то, что автору романа, изо всех сил делающему вид, что к Самаре его действие не имеет никакого отношения, об этом волжском городе прекрасно известно, и, пропуская «самарское» пятнадцатилетие в жизни героев, автор романа делает это намеренно, что-то пряча и о чём-то недоговаривая.

Вот, например, только один эпизод романа, заставляющий трижды вспомнить о Самаре и задаться вопросом, который мы сформулировали выше, – почему не упомянут на страницах «Чужеземки» и этот волжский город? «Мои предки и по отцовской линии, и по материнской кровь за родину проливали, – говорила она. Когда генерал-губернатор граф Бренчанинов, протеже императрицы Марии Фёдоровны, благодарный Розе за её участие со сбором в пользу Института слепых (ах, как прекрасно играла тогда Роза “Легенду” Венявского, опираясь на скрипку бархатным подбородком и жмуря чёрные глаза), – когда он явился к ней с визитом и, склонившись над колыбелью младенца, такого же черноглазого, как она, спросил: “И как же его назвали, это милое, прелестное дитя?” – Роза ответила с вызовом: “Казимир. Это имя польских королей – Казимеж. Вы, ваше высокопревосходительство, может быть, уже забыли, что Польшей когда-то правили польские короли?”. Так она ответила, к отчаянию мужа, восстановив либерального сановника и против себя,

¹ Кунцевич М. Указ. соч. С. 20.

² Там же. С. 156-157.

и против открытия католической часовни в Саратове»¹.

Первое, что заставляет вспомнить о Самаре при прочтении этих строк, – имя губернатора Брянчанинова (правда, «генерал-губернатором» он никогда не был, это вымысел автора «Чужеземки», так же, как и графский титул и написание его фамилии через «е» – «Бренчанинов» вместо «Брянчанинов»). Известно, что А.С. Брянчанинов (1843–1910) родился в усадьбе под Вологдой, где окончил гимназию и начал службу после окончания кавалерийского училища и увольнения в запас «по домашним обстоятельствам». В Самаре прибыл в 1888 г., служил в должностях вице-губернатора и губернатора до конца 1904 г., когда был назначен членом Государственного совета и переехал в Петербург. То есть практически весь период пребывания Щепанских в Самаре пришёлся на службу А.С. Брянчанинова на высших постах в губернии, и, вспомнив о нем, автор «Чужеземки» вспомнила также и о Самаре – вспомнила, но не упомянула.

Кроме Брянчанинова явной «самарской» приметой в процитированном фрагменте является «сбор в пользу Института слепых» с той, правда, поправкой, что А.А. Щепанская преподавала музыку в Самарском отделении попечительства императрицы Марии Александровны о слепых (с училищем для слепых мальчиков). Видимо, об этом заведении и идёт речь, так как никакого Института слепых в Самаре и Саратове никогда не было.

Наконец, третья «самарская» примета в процитированном фрагменте – это «католическая часовня», напротив которой выступил Бренчанинов, восстановленный Розой против польской общины. В Самаре прекрасно известна история создания первого в городе католического костёла, построенного в первой половине 1860-х гг. и отданного лютеранам. Правда, произошла эта межконфессиональная рокировка задолго до приезда

в Самару Щепанских и соответственно до Брянчанинова. Связана была данная история совсем с другими обстоятельствами, причем общероссийского, а не местного масштаба: в 1863–1864 гг. произошло так называемое январское восстание, участники которого преследовали цели восстановления Речи Посполитой в границах 1772 года. Результатом этого восстания, длившегося примерно полтора года, стали многочисленные и разнообразнейшие репрессии против поляков, проживавших, в том числе, и в Самаре, – так только что построенный костёл превратился в лютеранскую кирху, о чём ещё долго сохранялась память в самарском сообществе и о чём, разумеется, не могли не слышать Щепанские, жившие в Самаре двадцать-тридцать лет спустя после всего случившегося. Необходимо отметить, что в Самаре семья квартировала в доме немца А.И. Вернера рядом с земельным участком, приобретённым местной католической общиной уже в 1890-е годы. На этом участке вначале был построен деревянный, а уже после, в 1901–1906 гг., – и каменный костёл, автором проекта которого стал москвич Фома Богданович.

Итак, опираясь на некоторые наблюдения исторического и краеведческого характера, нам удалось выяснить, что автор «Чужеземки» весьма вольно обошлась сразу с несколькими моментами, которые довольно принципиальны с биографической точки зрения и касаются двух главных героев – Адама и Розы. Кроме того, в автобиографическом романе оказалась странным образом «пропущена» одна из ключевых локаций, причем такая, где автор, собственно, и родился. Надо заметить, что в современной науке жанр автобиографии понимается довольно широко. Предпринимаются попытки сближения и сопоставления автобиографической и мемуарной прозы, автобиографии и романа. Отмечая разножанровую природу мемуарно-автобиографической прозы, С.Ю. Павлова отмечает следу-

¹ Кунцевич М. Указ. соч. С. 26.

ющее: «Одновременно подвижность границ внутри этой литературы свидетельствует о принципиальной открытости входящих в неё составляющих и может привести к формированию новых литературных жанров» [11, с. 62]. Но даже с учётом этого обстоятельства мы не только вправе, но и обязаны, опираясь на сделанные наблюдения, попытаться ответить на ключевой вопрос, стоящий перед нами в этой работе, – автобиографична ли «Чужеземка», и, если да, то что надо понимать под «автобиографичностью» применительно к роману М. Кунцевич?

Нетрудно заметить, что автор «Чужеземки» как будто выворачивает собственную автобиографию наизнанку, не замечая очевидного и подчеркивая сомнительное, превращая многостороннего и, по всей видимости, довольно гибкого И.А. Щепанского в медведеподобного Адама, а его супругу, пользовавшуюся известностью в городе, много и достаточно интенсивно общавшуюся, – в замкнутую и мизантропическую «чужеземку» Розу, «пропуская» Самару и растворяя её хоть и в созвучном ей, но всё же «другом» Саратове и т. д. Какую она ставит при этом перед собой задачу и чего добивается с помощью всех этих подмен и умалчиваний?

На наш взгляд, дело здесь в следующем. Жанр автобиографической прозы в том виде, в котором она сложилась в литературе реализма [См.: 11, 12], представляется автору «Чужеземки» слишком схематизирующим жизнь, раскрывая ее однобоко, в далёком от истины свете. Повествование, повторяющее документ, идущее с ним нога в ногу, лишается главного, а именно – глубоко внутренних, недокументируемых моментов, ускользающих от поверхностного стороннего

взгляда, но именно эти моменты – и есть подлинная биография. Что в таком случае необходимо сделать для того, чтобы «как бы автобиография» стала настоящей автобиографией, без кавычек и без «как бы»? М. Кунцевич переворачивает (авто)биографическое другой стороной к читателю, в результате чего лицо биографического рисунка, схватываемое документом, оказывается невидимым, а вот зато изнаночная сторона этого же рисунка становится основой для сюжетного движения, организации времени и пространства, построения системы героев и т. д. Так педагогическая и научно-просветительная деятельность И.А. Щепанского, явная и зафиксированная документально, оказывается «не при чём», а зато его неуклюжесть и раздражающая жену терпеливость акцентируются, и из них строится образ Адама. Точно так же «не при чём» оказывается и концертная деятельность А.А. Щепанской, которая выносятся за скобки, а зато в скобках остаются истеричность и «чужеземство» Розы. Из них она и состоит в романе М. Кунцевич. Наконец, там же, с той стороны автобиографии, нужно искать и Самару, где родилась дочь И.А. и А.А. Щепанских и где происходят все основные коллизии сюжета, который лёг в основу «Чужеземки», но лёг не прямо, а с учетом всего сказанного выше. Написать «другую» сторону автобиографии, сохранив тем самым подлинность жанра, и попыталась, с нашей точки зрения, Мария Кунцевич в своём автобиографическом романе, ставшем заметным явлением не только в ее собственном творчестве [13], но и в польской литературе XX в. [14], ключи к которому спрятаны, в том числе, в русской истории и самарском краеведении.

Список литературы

1. Завальный А., Маршалова М. Иосиф, Мария и Самара // Свежая газета. Культура (Самара). 2019. 7 нояб. (№ 20). С. 9.
2. Кудряшова А.А. Документальное и художественное: особенности портрета в русской автобиографической прозе // Синтез в русской и мировой культуре: материалы XV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Алексея Федоровича Лосева / Моск. пед. гос. ун-т, Ин-т филологии и ин. яз. Москва, 2015. С. 78-85.

3. Кудряшова А.А. Правда факта и вымысла в русской автобиографической прозе: стилевые приёмы // Правда – неправда – постправда: сб. науч. тр. проекта NOT ONLY. NOT ONLY 2018: Теория и практика гуманитарных исследований. Москва: РАНХиГС, 2018. С. 146-163.
4. Дементьева А.А. Автобиографическая проза: основные термины и понятия // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 7 (133). С. 15-23.
5. Серебрякова С.Г. Автобиографические включения как элемент метаповествования // Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. ст. Вып. 5. Санкт-Петербург, 2013. С. 218-226.
6. Смаль В.Н. Автобиографический дискурс в художественном пространстве литературного произведения // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3: Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2021. № 1. С. 39-45.
7. Шумаева Е.П. Проблема определения границ автобиографического жанра // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2008. № 2. С. 52-55.
8. Болдырева Е.М. Трансформация автобиографического инварианта и автобиографическая авторефлексия в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Культура. Литература. Язык: материалы конф. «Чтения Ушинского». Ч. 1 / под ред. М.Ю. Егорова. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2012. С. 150-159.
9. Едидович Л.В. Самарские учителя-просветители // Краеведческие записки. Вып. XVII / СОИКМ им. П.В. Алабина. Самара, 2014. С. 156-170.
10. Никольский Е.В., Вальчак Д. Тип «лишнего человека» в русской и польской литературах // Libri Magistri. 2019. № 3 (9). С. 93-123.
11. Павлова С.Ю. Мемуарно-биографические жанры: к проблеме границ // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 59-62.
12. Яблоновская Н.В. «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина и традиции автобиографического повествования в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1999. 170 с.
13. Ишимбаева Г.Г. Трансформация традиционного сюжета в романе М. Кунцевич «Тристан 1946» // Российский гуманитарный журнал. 2023. Т. 12, № 2. С. 93-103.
14. Хорев В.А. Польская литература XX века. 1890-1990. Москва: Индрик, 2009. 352 с.

Сведения об авторе:

Перепелкин Михаил Анатольевич, доктор филологических наук, директор Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького; профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королёва

Московское шоссе, 34, Самара, 443086
mperepelkin@mail.ru

Дата поступления статьи: 26.02.2024

Одобрено: 15.10.2024

Дата публикации: 25.11.2024

Для цитирования:

Перепелкин М.А. С той стороны автобиографии: роман М. Кунцевич «Чужеземка» // Сфера культуры. 2024. № 4 (18). С. 47–56. DOI: 10.48164/2713-301X_2024_18_47

УДК 821.161.1(470.43)

DOI: 10.48164/2713-301X_2024_18_47

M.A. Perepelkin

Samara

Samara M. Gorky Literary and Memorial Museum

Samara S.P. Korolev National Research University

mperepelkin@mail.ru

ON THE OTHER SIDE OF THE AUTOBIOGRAPHY: M. KUNCEWICZ'S NOVEL *THE STRANGER*

The novel *The Stranger* by the Polish writer M. Kuncewicz, written almost a century ago, is traditionally considered autobiographical. The author of the article proves that the autobiographical nature of this work, created in the realities of pre-revolutionary Samara, is of a different kind. In the images of the main characters and in the biographies of their prototypes, one can recognize M. Kuncewicz's parents – I.A. and A.A. Shchepanskys. However, describing the setting of several key episodes of the novel, the writer deliberately avoids mentioning

Samara. Creating the outline of the novel, M. Kuncewicz turned the (auto) biographical aspect to the other side to the reader; which resulted in the face of the biographical drawing becoming invisible, but its "wrong side" becoming the basis of the plot movement, being originally used to build the "mirror images" of the heroes, serving as a means of organizing artistic time and space.

Keywords: M. Kuncewicz, *The Stranger*, autobiographical novel, Samara culture, Shchepansky, another autobiography.

References

1. Zaval`ny`j, A., Marshalova, M. (2019) Iosif, Mariya i Samara [Joseph, Maria and Samara]. *Svezhaya gazeta. Kul`tura (Samara)* [The Svezhaya Gazeta Cultura (Samara)]. Novemb. 7. (No. 20), 9. (In Russian).
2. Kudryashova, A.A. (2015) Dokumental`noe i xudozhestvennoe: osobennosti portreta v russkoj avtobiograficheskoj proze [Documentary and Artistic: Peculiarities of the Portrait in Russian Autobiographical Prose]. *Sintez v russkoj i mirovoj kul`ture: materialy` XV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj pamyati Alekseya Fedorovicha Loseva* [Synthesis in Russian and World Culture: Materials of the XVth All-Russian Scientific Practical Conference in Memory of Alexei Fedorovich Losev]. Moscow: Moscow Pedagogical State University, Institute of Philology and Foreign Languages, 78-85. (In Russian).
3. Kudryashova, A.A. (2018) Pravda fakta i vy`my`sla v russkoj avtobiograficheskoj proze: stilevy`e priomy` [Truth of Fact and Fiction in Russian Autobiographical Prose: Style Tricks]. *Pravda – nepravda – postpravda: sbornik nauchny`x trudov proekta NOT ONLY. NOT ONLY 2018: Teoriya i praktika gumanitarny`x issledovanij* [Truth – False – Post-truth: a Collection of Scientific Works of the Project NOT ONLY. NOT ONLY 2018: Theory and Practice of Humanities Research]. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 146-163. (In Russian).
4. Dement`eva, A.A. (2023) Avtobiograficheskaya proza: osnovny`e terminy` i ponyatiya [Autobiographical Prose: Basic Terms and Concepts]. *Mezhdunarodny`j nauchno-issledovatel`skij zhurnal* [International Research Journal], No. 7 (133), 15-23. (In Russian).

5. Serebryakova, S.G. (2013) Avtobiograficheskie vklyucheniya kak e`lement metapovestvovaniya [Autobiographical Inclusions as an Element of Meta-narration]. *Homo Loquens: aktual`ny`e voprosy` lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostranny`x yazy`kov: sbornik nauchny`x statej* [Homo Loquens: Topical Issues of Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages: a Collection of Scientific Articles], Issue 5. Saint Petersburg, 218-226. (In Russian).
6. Smal`, V.N. (2021) Avtobiograficheskij diskurs v xudozhestvennom prostranstve literaturnogo proizvedeniya [Autobiographical Discourse in the Artistic Space of a Literary Work]. *Vesnik Bre`sczkaga universite`ta. Sery`ya 3: Filologiya. Pedagogika. Psixalogiya* [Bulletin of the Brest State University. Series 3. Philology, Pedagogics. Psychology], No. 1, 39-45. (In Russian).
7. Shumaeva, E.P. (2008) Problema opredeleniya granicz avtobiograficheskogo zhanra [The Problem of Determining the Boundaries of the Autobiographical Genre]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Lingvistika"* [Bulletin of the Moscow State Regional University. 'Linguistics' Series], No. 2, 52-55. (In Russian).
8. Boldy`reva, E.M. (2012) Transformaciya avtobiograficheskogo invarianta i avtobiograficheskaya avtorefleksiya v romane I.A. Bunina "Zhizn` Arsen`eva" [Transformation of the Autobiographical Invariant and Autobiographical Autoreflexion in I.A. Bunin's Novel 'Arsenyev's Life']. *Kul`tura. Literatura. Yazy`k: materialy` konferencii "Chteniya Ushinskogo"* [Culture. Literature. Language: Materials of the Conference 'Ushinsky's Readings'], Pt. 1. Edited by M.Yu. Egorov. Yaroslavl: Yaroslav State Pedagogical University Named after K.D. Ushinsky, 150-159. (In Russian).
9. Edidovich, L.V. (2014) Samarskie uchitelya-prosvetiteli [Samara Teachers-Educators]. *Kraevedcheskie zapiski* [Local Lore Notes], Issue XVII. The Samara Alabin Museum of Local History and Lore. Samara, 156-170. (In Russian).
10. Nikol`skij, E.V., Walczak D. (2019) Tip "lishnego cheloveka" v russkoj i pol`skoj literaturax [The 'Extra Person' Type in Russian and Polish Literature]. *Libri Magistri* [Libri Magistri], No. 3 (9), 93-123. (In Russian).
11. Pavlova, S.Yu. (2008) Memuarno-biograficheskie zhanry` : k probleme granicz [Memoir and Biographical Genres: to the Problem of Borders]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [News of the Saratov University. Series: Philology. Journalism], Vol. 8, Issue 1, 59-62. (In Russian).
12. Yablonovskaya, N.V. (1999) "Zhizn` Arsen`eva" I.A. Bunina i tradicii avtobiograficheskogo povestvovaniya v russkoj literature: *dissertaciya ... kandidata filologicheskix nauk* [I.A. Bunin's 'Arsenyev's Life' and the Traditions of Autobiographical Narration in Russian Literature: PhD thesis...in philology]. Dnepropetrovsk. (In Russian).
13. Ishimbaeva, G.G. (2023) Transformaciya tradicionnogo syuzheta v romane M. Kuncевич "Tristan 1946" [Transformation of the Traditional Plot in M. Kuntsevich's novel 'Tristan 1946']. *Rossijskij gumanitarny`j zhurnal* [Russian Humanitarian Journal], Vol. 12, No. 2, 93-103. (In Russian).
14. Xorev, V.A. (2009) *Pol`skaya literatura XX veka. 1890-1990* [The XXth Century Polish Literature]. Moscow: Indrik. (In Russian).

About the author:

Mikhail A. Perepelkin, Doctor of Philology, Director of the Samara M. Gorky Literary and Memorial Museum; Professor at the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations of the Samara S.P. Korolev National Research University

34 Moskovskoye Highway, Samara, 443086
mperepelkin@mail